УДК 821(4).09+821.161.09
DOI 10.52452/2658-7475-2026-3-31-72-88

«КАЛЕБ УИЛЬЯМС» У. ГОДВИНА И «ДУБРОВСКИЙ» А.С. ПУШКИНА: АВТОРСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ГЛАВНЫХ ГЕРОЕВ

© 2026

И.А. Матвеенко

Матвеенко Ирина Алексеевна, SPIN-код: 1120-9546, ORCID: 0000-0003-0311-3011, доктор филологических наук, доцент, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Российская Федерация, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36), mia2046@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 10.04.2026
Статья принята к публикации: 11.09.2026

В статье рассматриваются типологические схождения романов У. Годвина «Калеб Уильямс» и А.С. Пушкина «Дубровский». Сходство в позициях двух авторов очевидно: изображение обыденной жизни с особым фокусом на психологию человеческих отношений в реальных условиях посредством включения документальных источников и свидетельств в повествование. Расхождение прослеживается в центральных проблемах, поднятых в произведениях: рассмотрение назревающих конфликтов как внутри правящего класса, так и между помещиками и крестьянами. В обоих случаях авторы делают акцент на особенностях взаимоотношений землевладельцев с обществом, за счёт чего очевиднее проявляются их пороки. Оба автора противопоставляют героев на основе их отношения к дворянской чести. Очевидны также параллели в изображении главарей банд, их отношения к членам группы и к обществу в целом. Однако финалы анализируемых произведений разнятся (говоря о финале неоконченного пушкинского романа, мы имеем в виду концовку второй его части). Калеб Годвина смог доказать свою правоту и невиновность, Фокленд признал вину, и справедливость восторжествовала. В таком финале воплощается принципиальная разница в авторских позициях Годвина и Пушкина. В отличие от Годвина, Пушкин избегает использования мотива восстановления справедливости как основы финала повествования. Проведенный анализ выявил не только сходства, но и принципиальную разницу двух сочинений, свидетельствующую о пушкинской творческой интерпретации английского романа, а также о взаимодействии «Дубровского» и «Калеба Уильямса» как на концептуальном уровне, так и на уровне сюжетно-мотивной структуры.

Ключевые слова: Уильям Годвин, «Калеб Уильямс», А.С. Пушкин, «Дубровский», типологические схождения.

Типологические схождения незаконченного романа А.С. Пушкина «Дубровский» с произведениями зарубежных авторов уже становились предметом исследования начиная с момента его публикации. Большинство ученых заметили типологические связи с английской и французской литературой эпохи романтизма. Ряд исследователей выстраивают параллели с произведениями В. Скотта. Например, И.В. Зборовец выявил схождения «Дубровского» с «Гаем Мэннерингом» [Зборовец 1977, с. 131–136], Н.Н. Петрунина установила связи с «Ламмермурской невестой» [Петрунина 1987, с. 176–179], а некоторые литературоведы настаивают на параллелях с «Роб Роем» [Калецкий 1937, с. 160]. Определенные сходства с драмой Ф. Шиллера «Разбойники» были обнаружены Ю.В. Манном [Манн 2001, с. 63]. Кроме того, З.Г. Розова заметила точки схождения между незаконченным романом Пушкина и «Юлией, или Новой Элоизой» Ж.Ж. Руссо [Розова 1971, с. 64–69]. В подобном же аспекте были исследованы взаимосвязи пушкинского произведения с романом «Ринальдо Ринальдини, разбойничий атаман» А. Вульпиуса [Ларионова 1997, с. 73–79].

Потенциальная ориентация русского писателя на такой широкий диапазон произведений подтверждает его активный интерес к западноевропейской литературе, что позволяет нам добавить в приведенный список других авторов мировой литературы. В частности, в данной статье предпринята попытка типологического сопоставления неоконченного романа Пушкина «Дубровский» и романа английского писателя и просветителя Уильяма Годвина «Калеб Уильямс». Возможные сходства между этими произведениями до сих пор оставались вне внимания современных исследователей. О вероятном влиянии Годвина на Пушкина вскользь упомянул только М.П. Алексеев, указав на то, что в библиотеке Пушкина в Тригорском хранилась книга «Калеб Уильямс» на французском языке и «очень вероятно, что Пушкин мог вспомнить этот роман, когда работал над “Дубровским”, при изображении суда и провинциальной администрации, всецело подчиненных произволу богатого землевладельца, а также при описании разбойничьей шайки» [Алексеев 1991, с. 200]. Таким образом, параллели этих романов, не выявленные до сих пор, могут установить не только принципиальные сходства, но и столь же принципиальные различия произведений. Сравнительный анализ некоторых фрагмен-

тов двух романов позволит нам расширить контекст русско-английских литературных связей для уточнения точек не только притяжения, но и отталкивания между романами Пушкина и Годвина, обусловленных различиями в национальных традициях и литературных эпохах.

Следует изначально отметить, что романы написаны в эстетике и поэтике разных литературных методов – просветительского реализма и романтизма, что обусловливает принципиальные различия в авторском мировоззрении и концепциях построения образов героев. Тем не менее сравнительный анализ романов позволяет говорить и о близком знакомстве Пушкина с творчеством английского романиста и осмыслении им художественного потенциала «Калеба Уильямса» в новом, романтическом контексте.

Роман «Вещи как они есть, или Приключения Калеба Уильямса», написанный У. Годвином в 1794 г., во многих отношениях оказался прогрессивным произведением, изображающим социальные отношения и противоречия между различными слоями общества с новой точки зрения. Годвин, по сути, заложил основу для последующего развития криминальной, а позднее и детективной литературы не только в Англии, но и за рубежом. Поскольку «Калеб Уильямс» – просветительский роман, то на первый план в нем выдвигалось расследование преступления добродетельным человеком (Калебом Уильямсом), т.е. злодеяния пропускались через сознание порядочного человека, а преступник рассматривался глазами положительного героя, ведущего расследование с целью раскрытия преступления ради справедливости. Концепция романа Годвина, по словам А. Роунса, «провозглашает его всеобъемлющую веру в силу человеческого разума, способного преодолеть зло, аккумулировавшееся вокруг традиций и обычаев» [Rounce 2007, p. 2].

Кроме того, роман Годвина отражает переходные процессы, происходившие в английском обществе и культуре того времени. Сложность явлений и тенденций конца XVIII в. привела к повествовательной противоречивости и, с точки зрения некоторых исследователей, нелогичному развитию сюжета. В этом отношении справедливы слова Дж.Тейлора, утверждавшего, что «новаторский характер “Калеба Уильямса” был обусловлен и тем, что это был первый детектив,

причем Годвин сначала написал заключительную часть книги, а потом двигался от конца к началу, пряча в тексте ключи к разгадке» [Тейлор 2016, с. 47].

В России роман имел богатую, хотя и запоздалую рецептивную историю. Только в 1838 г. он был впервые переведен на русский язык и получил многочисленные рецензии на страницах русской периодики [Матвеенко 2012, с. 29–34]. Позднее, в 1860-х гг., творческое осмысление «Калеба Уильямса» проявилось в произведениях Н.Г. Чернышевского и Ф.М. Достоевского [Вайсман 2010, с. 104–110; Назиров 2005, с. 94–102]. Можно предположить, что влияние романа на творчество современников и последователей Годвина прослеживалось еще до его выхода на русском языке, так как несколько ранее он был переведен на французский язык, и читался русской интеллигенцией, и, в частности, именно в такой версии находился в библиотеке Пушкина в Тригорском.

Сходство между «Дубровским» и «Калебом Уильямсом» наблюдается в нескольких аспектах. Например, Годвин активно встраивал в роман цитаты из английских законов, уделяя особое внимание изображению «вещей такими, какие они есть». Известно, что замысел пушкинского романа «внушен был Нащокиным. Он рассказывал Пушкину про одного белорусского небогатого дворянина, по фамилии Островский (как и назывался сперва роман), который имел процесс с соседом за землю, был вытеснен из именья и, оставшись с одними крестьянами, стал грабить, сначала подьячих, потом и других» [Рассказы о Пушкине … 1925, с. 27]. Существует, однако, несколько гипотез о возможных источниках пушкинского незавершенного романа. Для нас важно, что автор «Дубровского», как и Годвин, ввел в роман выписку из подлинного юридического документа. Этим документом было судебное дело, возникшее в результате тяжбы за обладание спорным имением (при этом реальные помещики Муратов и Крюков превратились под пером Пушкина в Дубровского и Троекурова). Неслучайно Н.Н. Петрунина определяет незаконченный пушкинский роман как «опыт органического слияния картин реальной действительности и авторской исторической концепции» [Петрунина 1987, с. 169]. В этом случае сходства художественных концепций двух авторов становятся очевидными: изображение повседневной

жизни героев с особым фокусом на психологию человеческих отношений в реальных жизненных обстоятельствах посредством включения документальных источников и свидетельств в сюжетную канву. Этот прием привел к параллелям в постановке центральной проблемы обоих произведений: рассматривались давно назревавшие конфликты как внутри высшего класса, так и между помещиками и крестьянами, что приводит к множественным сходствам в сюжетах романов и системах персонажей.

Рассуждая о романе У. Годвина, Д. Урнов писал: «композиционно “Калеб Вильямс” построен на противопоставлениях. Однако, сравнивая своих героев, Годвин не стремится к контрастам, следуя своеобразной диалектике. Персонажи, диаметрально противоположные в социальном плане, психологически соотносятся гораздо сложнее» [Урнов 1957, с. 14]. Такой подход объясняется просветительской концепцией Годвина, предполагающей, что люди с рождения наделены равными правами, но разными чувствами и разными моральными установками, обусловленными влиянием социальной среды. Изначально благородный землевладелец Фолкленд, один из главных героев «Калеба Уильямса», вступает в противостояние не с Калебом, а с землевладельцем по имени Тиррел. Рассматривая это противостояние, можно заметить ряд сходств между антагонистами. С самого начала Годвин делает акцент на общие черты в происхождении героев: «ближайший сосед мистера Фолкленда, человек равного с ним положения, по имени Барнаба Тиррел. На первый взгляд, мистера Тиррела, судя по образованию и образу жизни, меньше всего можно было считать способным и расположенным к тому, чтобы нарушать душевное спокойствие столь умного человека, как Фолкленд. Мистер Тиррел мог служить типичным образцом английского сквайра» [Годвин 1961, с. 20]. Подобный подход использует и Пушкин в изображении Троекурова и Андрея Дубровского: «Будучи ровесниками, рожденные в одном сословии, воспитанные одинаково, они сходствовали отчасти и в характерах, и в наклонностях. В некоторых отношениях и судьба их была одинакова: оба женились по любви, оба скоро овдовели, у обоих оставалось по ребенку» [Пушкин 1964, с. 219]. Сходное положение героев в обществе еще больше обостряет потенциальный конфликт как в английском, так и в русском романе, выводя его на морально-этический уровень.

Однако в романе Пушкина принципиальное значение имеет разница в материальном положении персонажей, поскольку она демонстрирует разные пути, пройденные русским дворянским сословием и русским обществом. По мнению Н. Петруниной, «и повествование о современности, и рассказ о минувшем имели общую цель: увидеть в решающих романтических событиях след предшествующего исторического развития, усмотреть в них зерна будущего» [Петрунина 1987, с. 164]. Интересно, что противопоставление героев обществу начинается с описания их внешности. Вот что говорится о Тирреле в английском романе: «Ростом он вытянулся в пять футов десять дюймов, и телосложение его могло бы послужить живописцу моделью для того героя древности, доблесть которого заключалась в умении одним ударом свалить быка и поглотить его в один присест. Сознавая свои преимущества в этом отношении, он был невыносимо заносчив, деспотичен с низшими и дерзок с равными ему» [Годвин 1961, с. 21]. Или: «Его соседи толпились вокруг него и на его хохот дружно отвечали хохотом, частью из раболепства, частью от неподдельного восторга» [Годвин 1961, с. 22].

В «Дубровском» портрет Троекурова дается с акцентом на тех же деталях: «Соседи рады были угождать малейшим его прихотям; губернские чиновники трепетали при его имени; Кирила Петрович принимал знаки подобострастия как надлежащую дань; дом его всегда был полон гостями, готовыми тешить его барскую праздность, разделяя шумные, а иногда и буйные его увеселения. Никто не дерзал отказываться от его приглашения или в известные дни не являться с должным почтением в село Покровское. В домашнем быту Кирила Петрович выказывал все пороки человека необразованного. Избалованный всем, что только окружало его, он привык давать полную волю всем порывам пылкого своего нрава и всем затеям довольно ограниченного ума» [Пушкин 1964, с. 217]. В обоих произведениях авторы изображают взаимоотношения помещиков с обществом, демонстрирующие их пороки. В этом контексте любопытно указать на еще одну деталь рассматриваемых образов в английском и русском романах, а именно на интересы и развлечения персонажей. Например, Тиррел «обнаружил живость ума и немалую смышленость, изучая науку об уходе за лошадьми, и достиг значительного совершенства в искусстве стрельбы, охоты и рыбной ловли»

[Годвин 1961, с. 21]. Троекуров, как мы помним, страстно увлекался охотой и разведением гончих, но «всегдашние занятия Троекурова состояли в разъездах около пространных его владений, в продолжительных пирах и в проказах, ежедневно притом изобретаемых и жертвою коих бывал обыкновенно какой-нибудь новый знакомец» [Пушкин 1964, с. 218]. На фоне общей страсти землевладельцев к лошадям и собакам, которая требовала от хозяев много времени и денег, яснее видится бездушное отношение Тиррела и Троекурова к окружающим их людям.

С другой стороны, оба автора противопоставляют отрицательных персонажей главным героям на основе разного отношения к кодексу чести. В «Калебе Уильямсе» Тиррел был изначально враждебно настроен к Фолкленду, хотя, как мы выяснили, они были абсолютно равны по своему происхождению и состоянию. В пушкинском романе, в прологе, Троекуров и Дубровский-старший представляются как близкие друзья, которых свела военная служба. Однако «Дубровский с расстроенным состоянием принужден был выйти в отставку и поселиться в остальной своей деревне» [Пушкин 1964, с. 218]. На основе образов Дубровского-старшего и Троекурова Пушкин исследует тему враждующих друзей (которые были почти братьями). Они, как Фолкленд и Калеб, – друзья, но Фолкленд, Дубровский-отец объединены одним обстоятельством – стремлением следовать кодексу чести несмотря ни на что, даже в ущерб собственным жизням и жизням других. Например, Дубровский-старший умирает в результате судебного разбирательства по поводу своего имения, вопреки попытке Троекурова примириться с ним. По мнению И. Рейфман, «Дубровский изображен как человек чести. Отставной лейтенант гвардии независим и имеет чувство собственного достоинства, несмотря на скромное финансовое положение. Он знает, как ответить на оскорбление своей чести» [Reyfman 2006, p. 100]. В подобном ключе Годвин изображает Фолкленда: его протагонист отдал всю свою жизнь ради сохранения сословной чести, был готов пойти на преступление и в конце концов, истощенный и измученный, признал свою вину. С некоторыми оговорками эта сцена весьма похожа на описание судебной тяжбы между Троекуровым и Дубровским.

В «Калебе Уильямсе» Тиррел присвоил поместье своего соседа, сквайра Хоукинса. Изначальной причиной конфликта послужил пу-

стяк, никак не связанный с их имущественными отношениями: Хоукинс отказался голосовать за кандидатуру Тиррела. Неповиновение арендатора власти хозяина земли привело помещика в ярость: «Превосходно, черт тебя подери! Будь я проклят, если есть еще другой такой молодец. Так ферма у тебя в аренде, у тебя, вот как! Ты говоришь, не уйдешь? Хорошенькие дела пойдут, если аренда будет защищать таких субъектов, как ты, от хозяина владения! Хочешь померяться силами? Отлично, любезный, отлично» [Годвин 1961, с. 84].

Причина ссоры в «Дубровском» была также совершенно незначительной: Дубровский-старший, обидевшийся на троекуровского псаря, покинул дом Троекурова и отказался туда возвращаться. В результате последний произносит слова, напоминающие нам монолог Тиррела: «Как, – загремел Троекуров, вскочив с постели босой, – высылать к нему моих людей с повинной, он волен их миловать, наказывать! – да что он в самом деле задумал; да знает ли он, с кем связывается? Вот я ж его… Наплачется он у меня, узнает, каково идти на Троекурова» [Пушкин 1964, с. 222]. В обоих случаях конфликт начался с простой манифестации достоинства со стороны менее властного персонажа, что изначально было воспринято его антагонистом как неповиновение, но оно сходным образом привело к полному краху Хоукинса и Дубровского-старшего по воле более сильных и амбициозных персонажей.

В английском и русском романах отъем поместья приводит к судебным тяжбам, причем оба автора намеренно вводят эти эпизоды в сюжетную канву, чтобы иметь возможность изобразить реальную сцену суда. Как утверждает Дж. Гроссман, «роман Годвина переполнен сценами судебных разбирательств; в каждом из трех томов этого романа описываются по крайней мере три суда разных типов» [Grossman 2002, p. 37]. Эти сцены, играющие принципиальную роль в «Калебе Уильямсе», взяты, как правило, из реальной судебной практикии показательны с точки зрения несовершенства английской судебной системы. Подобный эпизод – ключевой и для русского романа. Неслучайно Пушкин отходит здесь от своей традиционной краткости и включает полный текст судебного решения без каких-либо купюр, сохраняя канцелярские клише и неграмотные формулировки. По наблюдению С.Н. Ханбалаевой и Э.А. Веденяпиной, «приведённый целиком юридический документ, занявший больше шести

страниц и почти всю вторую главу – свидетельство его важности для автора, словно он хочет возразить общему мнению об этом деле как крайне несправедливом» [Ханбалаева, Веденяпина 2017, с. 1]. Можно предположить, что «Дубровский» был первым текстом, в котором сцена суда изображена как психологическая зарисовка характеров, что позже сформировало в русской литературе традицию описания судебного процесса («Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского, «Воскресение» Л.Н. Толстого) с целью показа несовершенства российской судебной системы и передачи психологического состояния героев.

По мере развития сюжета противостояние в английском и русском романах переносится на другие пары персонажей: Фолкленд и Калеб, а также Троекуров и Владимир Дубровский. Примечательно, что и в этих оппозициях можно выявить определенные параллели. Калеб, преследуемый Фолклендом, вынужден скрываться и оказывается абсолютно изолированным от общества. Именно эти обстоятельства приводят английского героя в банду, а Дубровского толкают на создание шайки. При этом их статус в разбойничьем сообществе является довольно показательным с точки зрения различия между анализируемыми произведениями: если Калеб остается только наблюдателем криминальных будней, не становясь полноценным членом преступной группы, то Владимир Дубровский является предводителем разбойников, желая отомстить за попранные права, и организует жестокую борьбу, цель которой намеренно идеализируется им. Калеб, в духе просветительских установок Годвина, пытается объяснить остальным членам банды разрушительные последствия выбранного ими существования и убедить их начать другую жизнь. Именно такую точку зрения Годвин обосновывает в своем трактате «Исследование о политической справедливости» (1793): «Здравый смысл и истина, если они адекватно донесены, всегда одержат победу над заблуждением. Здравый смысл и истина могут быть переданы таким образом: Истина всемогуща: Пороки и моральные слабости человека не непобедимы: Человек совершенствуется, или, другими словами, способен к постоянному улучшению» [Godwin 1796, p. 86–87].

Как полагает П.М. Логан, «Калеб Уильямс» был написан «с твердым намерением распространения авторских идей путем более доступного изображения британской общественной жизни. Однако помимо донесения до читателя своей философии, Годвин чувствовал,

что его роман может и изменить то общество, которое в нем изображено, изменив читательскую аудиторию» [Logan 1996, с. 213]. Калеб, «распространяя» авторскую веру в человеческий разум, не только оказался невовлеченным в преступную жизнь банды, но и пытался перевоспитать ее участников. В «Дубровском» авторская концепция выражается или прямой речью повествователя, или опосредованно – через изображение поступков героя. В этом контексте Пушкин выстраивает противопоставление благородного Владимира Дубровского и деспотичного Троекурова, символизирующего в произведении нравственный упадок представителей старого дворянского сословия.

Несмотря на всю очевидную авторскую симпатию к Дубровскому, Пушкин довольно ясно отмежевывается от его стремления к насильственному разрешению конфликта. Вскоре после «Дубровского» Пушкин высказал в «Капитанской дочке» свою известную мысль о «русском бунте, бессмысленном и беспощадном». Симптоматично в связи с этим, что и в «Дубровском», и «Калебе Уильямсе» анархия разбоя превращается в неуправляемое бедствие, принося всем только бессмысленное и неоправданное зло. В этом контексте Калеб пытается противопоставить свою идеологию насилию и несправедливости, пропагандируя авторскую мысль об опасности революционного переворота: «Мы должны тщательно избегать насилия: сила – не убеждение, она не достойна дела истины» или: «Нет ничего более варварского, жестокого и кровавого, чем триумф толпы» [Чудинов 1990, с. 22–23]. Пушкинский Дубровский участвует в разбое по собственной инициативе с горячим желанием изменить мир в силу романтической концепции автора.

Тем не менее враждующие силы неравны, мир несовершенен и далек от нравственных норм, которых герои придерживается, а избранные средства борьбы слишком разрушительны для окружающих. Фолкленд (и Тиррел) и Троекуров противостоят Калебу и Дубровскому как представители правосудия и справедливости, даже если они являются носителями своей собственной правды, ради которой они готовы совершить насилие. Разница состоит в том, что они ищут справедливости исключительно для себя (такая справедливость, которую они определяют сами для защиты своих личных интересов) и отстаивают свои собственные права, демонстрируя абсолютный эго-

изм. Если для Владимира Дубровского справедливость представляется общечеловеческой ценностью, то для Троекурова борьба и кровопролитие необходимы ради наказания личных врагов согласно устаревшей дворянской (даже феодальной) идеологии. «Земельную тяжбу, имевшую столь важные последствия, он <Пушкин – И.М.> соответственно осмыслил не как процесс между промотавшимся дворянином и более устойчивым в нравственном отношении представителем сословия или предприимчивым выходцем из других слоев, а как столкновение тех двух тенденций, которые, по мысли поэта, со времен петровского переворота определяли облик старинного русского дворянства», – пишет по этому поводу Н.Н. Петрунина [Петрунина 1987, с. 170]. В этой борьбе и Троекуров, и Фолкленд забывают о дружбе и человечности, проявляя полную безнравственность и эгоизм. А. Роунс считает, что в романе Годвина «состояние одержимости используется не столько как радикальное утверждение, а скорее, как психологическое наваждение, своего рода инвертированный идеализм, тем не менее несущий способность нарушить порядок» [Rounce 2007, p. 3]. Оба героя одержимы жаждой преследования.

Среди разбойников Калеб встречает Раймонда, главаря банды, образ которого сходен с образом Дубровского, а именно: они оба занимают в банде главенствующее положение, отличаются от остальных ее членов образованием, статусом и благородным происхождением. Более того, оба опять-таки придерживаются собственного кодекса чести. Например, разбойники в английском романе обращались к Раймонду «с уважением, называя его начальником. Их замечания и вопросы были буйны и шумны, но бесчинство смягчалось у них известным уважением к его суждениям и авторитету» [Годвин 1961, с. 252]. Сравним приведенный пример с характеристикой Дубровского: «Начальник шайки славился умом, отважностью и каким-то великодушием» [Пушкин 1964, с. 257], «приверженность разбойников к атаману была известна» [Пушкин 1964, с. 316]. Владимир Дубровский и Раймонд представляют собой особый тип героя – благородный разбойник, отсылающий читателя к образу Карла Моора в драме Шиллера «Разбойники». Этот типаж отличается бунтарским духом и желанием бороться с общественной несправедливостью без какой-либо положительной программы действий, его вызов обществу не имеет

социально-политического обоснования, построен на абстрактных морально-этических устремлениях.

Изображая подобного героя, Годвин и Пушкин совпали в попытке опровержения права или необходимости применения насилия. Русский и английский авторы отрицают идею бунта и разрушения как способа совершенствования мироустройства и защиты личной свободы – концепция, которая будет подхвачена и разработана Достоевским во второй половине XIX в. в романе «Преступление и наказание». Эта концепция подразумевает решение конфликта путем, обрисованным в романе Годвина, а также в набросках пушкинского романа, оставшегося незавершенным. По сути, образы Раймонда и Дубровского представляют собой авторские попытки решить проблему, которая впервые была поднята в эпоху Просвещения, а именно вопрос о соотношении страсти и разума в человеческой природе. Образы указанных персонажей построены на идее отрицания социальной несправедливости, а соответствующие произведения имели целью критику социально-политического устройства, направленную против деспотизма и коррупции, а также нравов современного авторам общества и подавления личной свободы абсолютной властью. Однако идея разрушения как пути к прогрессу неприемлема ни для Годвина, ни для Пушкина – оба автора предупреждают об опасности применения насилия и бунта как способа борьбы с пороками общества. Дубровский и Раймонд – сильные характеры, выдающиеся личности, бунтовщики и вдохновители бунта, чье яркое и эмоциональное восприятие жизни приводит к доктрине насилия. Они формируют свою идеологическую концепцию в условиях социальной несправедливости. Их действия схожи, так как оба автора демонстрируют отрицательное отношение к ним как носителям такой идеологии и к насилию вообще.

Параллели между образами Раймонда и Дубровского могут быть продолжены еще одной деталью, подтверждающей знакомство Пушкина с «Калебом Уильямсом», – это ситуация изоляции главарей банд от общества и невозможности возвращения в него. Так, Раймонд в ответ на предложение Калеба отказаться от разбойничества и стать законопослушным гражданином заявляет: «А теперь слишком поздно. Те самые законы, которые, после того как я понял их несправедливость, толкнули меня на это занятие, препятствуют моему возвраще-

нию в общество» [Годвин 1961, с. 265]. Тем самым Годвин закладывает литературную традицию, воспринятую его последователями: возлагать часть вины за становление индивида преступником на общество – лейтмотив, используемый авторами социально-криминальных или ньюгейтских романов.

Можно провести параллели и со словами Дубровского, когда он уходит от своих крестьян и распускает шайку: «Вы разбогатели под моим начальством, каждый из вас имеет вид, с которым безопасно может пробраться в какую-нибудь отдаленную губернию и там провести остальную жизнь в честных трудах и изобилии. Но вы все мошенники и, вероятно, не захотите оставить ремесло» [Пушкин 1964, с. 316]. Очевидно, слова Раймонда, в силу просветительской концепции произведения, более нравоучительны и демонстративны. Что касается слов Дубровского, они, по справедливому наблюдению Н.Н. Петруниной, «звучат как дань литературной традиции (ср., например, драму Шиллера “Разбойники”, действие II, сцена III), а не вытекают органически из художественной ткани романа» [Петрунина 1987, с. 173], учитывая приверженность Пушкина романтической линии сюжета.

Сходство образов Дубровского и Калеба Уильямса оказывается гораздо глубже, если сравнить произведения с привлечением черновиков и набросков пушкинского незавершенного романа, содержащих дополнительные сюжетные линии. Из плана в план Пушкин усиливает мотивы, которые, по всей видимости, были существенны для него: преследование, переодевание, разоблачение, изоляция от общества. Дубровский переодевается во французского учителя или генерала, чтобы войти в общество, восстановить справедливость или встретиться с Машей Троекуровой. Калеб переодевается в нищего, крестьянина или еврея, однако во всех костюмах оказывается обнаруженным и схваченным. В обоих произведениях фигурируют объявления о розыске, в которых появляются неточные описания персонажей. В обоих случаях описания внешности героев настолько неопределенны и размыты, что оба протагониста какое-то время остаются непойманными. В то же самое время за их неясными портретами, данными в объявлениях о розыске, стоят реальные криминальные истории, вызвавшие множество слухов и обросшие легендами, которые

доходят до самих героев. Кроме того, отметим, что погони за Калебом и Дубровским присутствуют в сюжетах обоих романов.

Через все наброски «Дубровского» красной нитью проходит идея Пушкина подвести своего отверженного героя к такому финалу романа, в котором сама жизнь разрушает его романтические иллюзии личной свободы. Разнообразные версии судьбы Владимира неизбежно приводят его к новым столкновениям с обществом, заставляющим его взять на себя ответственность за свои поступки, которые однажды послужили причиной его участия в бунте. Так, в планах романа «Дубровский», где герой носит фамилию Островский (как герой был изначально назван автором), читаем: «Избрав из шайки надежных людей и распустив остальных, Островский в Москве живет уединенно, форейтор его попадается в буйстве и доносит на Островского (с одним из шайки Островского)» [Пушкин 1964, с. 770]. Наш тезис согласуется с мнением Н.Н. Петруниной, которая утверждает: «В отличие от Скотта и подобно У. Годвину («Калеб Уильямс») Пушкин заставляет молодого Дубровского понять, что в существующем обществе жертва общественных институтов – человек, однажды оказавшийся вне закона, не может обрести скромного человеческого счастья, что все попытки изгоя вернуться к гражданскому существованию обречены на неудачу» [Петрунина 1987, с. 198]. Симптоматично, что скитания английского и русского героев начинаются в сельской местности, в провинции, а затем в ходе преследования оба оказываются в столицах (в Лондоне и Москве) как местах, где можно легко затеряться в толпе и найти новые возможности для выживания. Однако даже такие людные места не спасают героев от поимки.

В финале романа Калеб смог доказать свою правоту и невиновность, Фолкленд признал вину, и справедливость оказалась восстановленной. Такая концовка подчёркивает принципиальную разницу точек зрения Годвина и Пушкина. В отличие от Годвина, Пушкин избегает применения мотива восстановленной справедливости как логичного конца своего произведения. Причину этого следует искать в общественных, этических, политических и эстетических взглядах русского писателя. Существенной для Пушкина является мысль о том, что человек, однажды совершивший преступление, разрушает

себя навсегда, даже если это преступление имело высокие цели. Возможно, именно по этой причине «Дубровский» Пушкина остался незавершенным.

Таким образом, сравнительный анализ двух произведений свидетельствует о пушкинской творческой интерпретации английского романа, а также о взаимодействии образов Дубровского и Калеба Уильямса как на концептуальном, так и на мотивно-сюжетном уровне. Как утверждает В.М. Жирмунский, «всякое литературное влияние связано с социальной трансформацией заимствуемого образа, под которой мы понимаем его творческую переработку и приспособление к тем общественным условиям, которые являются предпосылкой взаимодействия, к особенностям национальной жизни и национального характера на данном этапе общественного развития, к национальной литературной традиции, а также к идейному и художественному своеобразию творческой индивидуальности заимствующего писателя» [Жирмунский 1979, с. 75]. Именно такую трансформацию образов мы наблюдаем в «Дубровском». Несомненно, художественные и идеологические взгляды Пушкина и Годвина имеют мало общего: слишком большая разница в этических и эстетических взглядах этих писателей, обусловленная эпохой, происхождением и национальными традициями. Тем не менее А.С. Пушкин смог разглядеть в романе У. Годвина художественный стимул для дальнейшего развития русской литературы. С поправкой на эпоху, условия литературного процесса и особенности индивидуального творческого сознания, черты поэтики романа Годвина воплотились и трансформировались в новом контексте, выкристаллизовавшись в незавершенный русский роман, по-новому поставивший и рассмотревший проблемы, волновавшие общество на протяжении всего XIX столетия, независимо от национальной принадлежности и исторического периода.

Источники

Годвин 1961 – Годвин У. Калеб Уильямс. Л., 1961.

Пушкин 1964 – Пушкин А.С. Дубровский // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 10-ти тт. Т. 6. М., 1964. С. 215–316.

Рассказы о Пушкине – Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П.И. Бартеневым в 1851–1860 гг. Л., 1925.

Godwin 1796 – Godwin W. An Enquiry Concerning Political Justice and Its Influence on General Virtue and Happiness. In 2 V. V 1. London: G. G. and J. Robinson, 1796.

Литература

Алексеев 1991 – Алексеев М.П. Уильям Годвин // Алексеев М.П. Английская литература: Очерки и исследования. Л., 1991. С. 171–205.

Вайсман 2010 – Вайсман М.И. «Что делать?» Н.Г. Чернышевского и «Калеб Вильямс» У. Годвина: типологические параллели // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 5 (11). С. 104–110.

Жирмунский 1979 – Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Избранные труды. Л., 1979.

Зборовец 1977 – Зборовец И.В. «Дубровский» и «Гай Мэннеринг» В. Скотта // Временник Пушкинской комиссии, 1974. Л., 1977. С. 131–136.

Калецкий 1936 – Калецкий П. От «Дубровского» к «Капитанской дочке» // Литературный современник. 1936. № 1. 1937. С. 148–168.

Ларионова 1997 – Ларионова О.Е. Реликты разбойничьего романа в творчестве Пушкина (Пушкин и Х.А. Вульпиус) // Пушкин и другие. Сборник статей к 60-летию профессора Сергея Александровича Фомичева. Новгород, 1997. С. 73–79.

Манн 2001 – Манн Ю.В. Русская литература XIX века: эпоха романтизма. М., 2001.

Матвеенко 2012 – Матвеенко И.А. Восприятие социально-криминального романа у. Годвина «Калеб Уильямс» в России 1830–1860-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2012. Вып. 363. С. 29–34.

Назиров 2005 – Назиров Р.Г. Достоевский и роман У. Годвина // Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: сб. статей. Уфа, 2005 С. 94–102.

Петрунина 1987 – Петрунина Н.Н. Проза Пушкина (Пути эволюции). Л., 1987.

Розова 1971 – Розова З.Г. «Дубровский» Пушкина и «Новая Элоиза» Руссо // Вопросы русской литературы. Вып 3. Львов, 1971. С. 64–69.

Тейлор 2016 – Тейлор Дж. «Калеб Уильямс» Уильяма Годвина и развитие массовой литературы в Британии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 12(66): в 4-х ч. Ч. 2. С. 45–48.

Урнов 1957 – Урнов Д.М. Вильям Годвин – основоположник «социального романа» // Из истории западноевропейских литератур XVIII−XX вв. М., 1957. С. 7–25.

Ханбалаева, Веденяпина 2017 – Ханбалаева С.Н., Веденяпина Э.А. Русский мир (особенности реализма) в повести А.С. Пушкина «Дубровский» // Филологические науки в МГИМО. 2017. № 4 (12). С. 120–126.

Чудинов 1990 – Чудинов А.В. Политическая справедливость Уильяма Годвина. М., 1990.

Grossman 2002 – Grossman J. The Art of Alibi. English Law Courts and the Novel. Baltimore and London: The Johns Hopkins Un-ty Press, 2002.

Logan 1996 – Logan P.M. Narrating Hysteria: "Caleb Williams" and the Cultural History of Nerves // Novel: A Forum on Fiction. Vol. 29, No. 2. Winter, 1996. P. 206–222.

Reyfman 2006 – Reyfman I. Prose fiction // Cambridge Companion to Pushkin. Cambridge: Cambridge Un-ty Press, 2006. P. 90–104.

Rounce 2007 – Rounce A. Introduction. William Godwin: The novel, philosophy, and history. History of European Ideas. 33. 2007. P. 1–8.

"CALEB WILLIAMS" BY W. GODWIN AND "DUBROVSKY" BY A.S. PUSHKIN: THE AUTHORS' CONCEPTS OF THE MAIN HEROES

I.A. Matveenko
National Research Tomsk State University

The article considers typological convergences in W. Godwin's novel "Caleb Williams" and A.S. Pushkin's "Dubrovsky". Similarity of the concepts of two authors is obvious – both depict every day life with the focus on psychology of human relationships by means of inclusion of documentary sources in the narration. Divergence is found in the major problems, explored by the novels, i.e. an in-depth look at the imminent conflicts both within the ruling class and between land-owners and peasantry. In both writings the authors highlight the peculiarities of landlords' relations with society, at the background of which their vices are shown more vividly. Both authors oppose their heroes on the basis of their attitude towards noble honor. There a real so evident parallels in depiction of gang leaders, their relations with other gang members and with the society in general. However, the ends of the novels demonstrate the authors' concept difference (when we talk about the ending of Pushkin's unfinished novel, we mean the conclusion of its second part): Godwin's Caleb managed to prove his innocence in the trial, Falkland admitted guilt, and justice was served. Such an end presents principal difference in the authors' positions of Godwin and Pushkin. In contrast to Godwin, Pushkin avoids using motif of serving justice as a basis for ending his narration. The analysis has revealed not only the similarities, but also the key difference in two writings showing Pushkin's creative interpretation of the English novel as well as the interaction of "Dubrovsky" and "Caleb Williams" at the conceptual and plot-motif levels.

Keywords: William Godwin, Caleb Williams, A. Pushkin, Dubrovsky, typological similarities.